

УДК 332.14

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ:
ФИНАНСОВО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ
ЭСТАТИЗМА**

Катонин С.А.

Преподаватель,

Российский университет кооперации,

г. Мытищи, Россия

Аннотация

В статье исследуются финансово-управленческие и кадровые барьеры цифровой трансформации крупных региональных агломераций Российской Федерации в условиях нарастающего пространственного неравенства. На основе макроэкономической статистики за 2024–2025 гг. проведено сопоставительное исследование Московского региона, а также Екатеринбургской, Нижегородской и Новосибирской агломераций. Анализ выявил качественный разрыв в структуре цифровизации, проявляющийся в дисбалансе между общим охватом мобильного интернета и доступностью высокоскоростных проводных каналов связи в пригородных зонах и городах-спутниках. Автор фокусирует внимание на ограничениях государственного программно-целевого управления с учетом высокой роли государства в экономике современной России. Обосновывается, что вертикальная централизация ИТ-инфраструктуры лишает органы местного самоуправления стимулов к развитию горизонтальных каналов взаимодействия. Инновационное развитие крупных региональных агломераций второго эшелона расселения должно опираться не на административный диктат, а на обеспечение комфорта граждан через опережающее развитие скоростного транспортного каркаса, деконцентрацию населения, защиту предпринимательской инициативы и формирование гибкой рыночной среды на периферии.

Ключевые слова: крупные региональные агломерации, города-спутники, диффузия инноваций, цифровая трансформация, межмуниципальное взаимодействие, этатизм, пространственная поляризация, рыночная конкуренция.

***DIGITAL TRANSFORMATION OF REGIONAL AGGLOMERATIONS:
FINANCIAL AND MANAGERIAL BARRIERS AND LIMITATIONS OF
STATISM***

Katonin S. A.

Lecturer,

The Russian University of Cooperation,

Mytishchi, Russia

Abstract

The article examines the financial, managerial, and personnel barriers to the digital transformation of major regional agglomerations in the Russian Federation under conditions of growing spatial inequality. Based on macroeconomic statistics for 2024–2025, a comparative analysis of the Moscow region, as well as the Ekaterinburg, Nizhny Novgorod, and Novosibirsk agglomerations was conducted. The analysis reveals a qualitative gap in the structure of digitalization, manifested in the imbalance between the overall coverage of mobile broadband and the availability of high-speed fixed-line communication channels in suburban areas and satellite cities. The author focuses on the limitations of state target-program management in the context of a high state role in the modern Russian economy. It is substantiated that the vertical centralization of IT infrastructure deprives local governments of incentives to develop horizontal channels of cooperation. The innovative development of major regional agglomerations within the second tier of settlement should rely not on administrative dictate, but on ensuring the comfort of citizens through the ahead-of-time development of a high-speed transport framework, population deconcentration, the protection of

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

entrepreneurial initiative, and the formation of a flexible market environment in the periphery.

Keywords: major regional agglomerations, satellite cities, diffusion of innovations, digital transformation, inter-municipal cooperation, statism, spatial polarization, market competition.

Введение. За последнее столетие глобальная урбанизация радикально перекроила пространственную структуру общества. Сегодня классическая концентрация капитала и населения в мегаполисах столкнулась с тектоническими сдвигами тотальной цифровизации. Современное экономическое пространство формируется на стыке двух мощных сил — физического расширения крупных городских систем и стремительной экспансии цифровых платформ. Этот симбиоз виртуальной и территориальной концентрации полностью меняет ландшафт воспроизводства в регионах, превращая агломерации в главные цифровые узлы и локомотивы макроэкономического роста.

В Российской Федерации государственная политика пространственного развития ориентирована на формирование крупных городских узлов, обеспечивающих связность и целостность территории страны [20]. При этом крупнейшие агломерации к настоящему времени уже глубоко информатизированы. Высокая концентрация финансовых ресурсов и научно-технического потенциала позволила мегаполисам первыми внедрить автоматизированные системы управления городским хозяйством и современные геоинформационные комплексы. В то же время опорный каркас расселения и хозяйственной структуры страны во многом формируют крупные региональные агломерации второго эшелона расселения. К ним относятся крупные региональные центры с численностью населения от 500 тысяч до 1 миллиона человек и более [7], а также окружающие их локальные муниципальные подсистемы второго порядка, такие как города-спутники и пригородные районы. Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

Именно эти сложносоставные территории обеспечивают демографическую и экономическую устойчивость большинства субъектов Российской Федерации.

Однако, несмотря на высокую народнохозяйственную значимость, крупные региональные агломерации второго эшелона нередко отстают в процессах информатизации управленческой деятельности. Дисбаланс усугубляется хроническим дефицитом местных бюджетов, разворачивающимся на фоне рекордной разбалансировки субнациональных финансов, при которой агрегированный дефицит консолидированных бюджетов субъектов РФ достиг по итогам 2025 года исторического пика в 1,5 трлн руб. [23], а также инфраструктурными ограничениями и острым дефицитом квалифицированных кадров в администрациях муниципальных образований.

Успешное развертывание масштабных федеральных платформ (таких как Единый портал госуслуг, СМЭВ или ведомственные сети ФНС и Росреестра) доказывает высокую эффективность государства в автоматизации вертикальных сервисов, тем не менее архитектура этих иерархических систем функционально не предназначена для горизонтальной межмуниципальной интеграции. Наличие министерских контуров не компенсирует отсутствие сквозных платформ для совместного решения транспортных, инфраструктурных и градостроительных задач города-ядра и пригородных подсистем второго порядка. Напротив, существенная технологическая зависимость местных властей от федеральных ИТ-решений закрепляет их пассивную роль исполнителей, подавляя субнациональную управленческую инициативу в региональных агломерационных центрах.

Объектом исследования выступают крупные региональные агломерации Российской Федерации, рассматриваемые в условиях информатизации социально-экономических процессов.

Предметом исследования являются организационно-экономические отношения, возникающие в процессе автоматизации управления и преодоления

структурных дисбалансов развития крупных региональных агломераций и их пригородных зон.

Научная новизна исследования заключается в раскрытии структурно-технологических дисбалансов цифровизации крупнейших региональных агломерационных систем страны (разрыва между мобильным охватом и фиксированным ШПД) на макроуровне, а также в обосновании дифференцированного подхода к внедрению платформ управления с учетом ресурсных и нормативно-бюджетных ограничений региональных центров.

Материалы и методы. Теоретическую базу исследования составили фундаментальные положения региональной экономики, пространственного анализа и геоурбанистики, отраженные в трудах ведущих отечественных ученых: Г. М. Лаппо [10], Е. Н. Перцика [17], Н. В. Зубаревич [5; 6], А. Н. Швецова [24; 25], Т. В. Усковой [21; 22].

Значительный вклад в осмысление организационно-управленческих, информационно-технологических и прикладных аспектов развития городских агломераций и «умных городов» внесли научные труды В. И. Голованова [1; 2], В. Б. Зотова [4], А. А. Колосковой [9], Е. М. Мазницы [11], а также коллективные исследования экспертов Фонда «Институт экономики города» [3] и научно-исследовательских групп под руководством О. В. Кониной [13].

Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), включая результаты Выборочного наблюдения по вопросам использования населением информационно-коммуникационных технологий, нормативно-методические материалы Министерства экономического развития Российской Федерации, стратегии социально-экономического и пространственного развития субъектов РФ, а также консолидированные показатели укрупненных финансовых отчетов и структуры розничного товарооборота торговых сетей [15].

Методологические рамки исследования ограничены детальным сопоставлением четырех крупнейших полицентрических систем России, Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

выступающих опорными точками пространственной структуры хозяйства. Репрезентативный анализ всей совокупности городских агломераций страны намеренно исключен из масштаба данной статьи, поскольку обобщение столь массивного пласта эмпирических данных требует иных объемов научного труда. Тем не менее выбранная выборка макрорегиональных узлов представляется вполне достаточной для формирования обоснованных теоретических и прикладных выводов. Выбранные для анализа макрорегиональные узлы имеют стратегическое значение для национальной безопасности, так как являются центрами развития как гражданских высокотехнологичных индустрий, так и оборонно-промышленного потенциала государства.

Результаты исследования. Для оценки потенциала автоматизации управления сложными пространственными системами необходимо проанализировать текущую структуру расселения и особенности пространственной организации хозяйства Российской Федерации. По данным Федеральной службы государственной статистики, общая численность населения страны составляет порядка 146 млн человек. При этом основными центрами социально-экономического притяжения остаются шестнадцать городов-миллионников страны. В мегаполисах суммарно проживает около 24–25% всего населения страны [23], а вместе с ближними пригородными зонами они концентрируют более трети демографического и свыше половины экономического потенциала России.

Однако устойчивость пространственного каркаса страны не может обеспечиваться исключительно за счет главных макрорегиональных центров первого уровня. В этой связи возрастает роль соподчиненных агломерационных систем второго порядка (или локальных подсистем). Например, для Московского региона таковыми соподчиненными узлами являются Дмитровская, Сергиево-Посадская, Коломенская, Орехово-Зуевская и Клинская локальные агломерации, которые формируют полупериферийный и периферийный пояса расселения столичного макрорегиона [3; 4]. В то же время для Екатеринбурга в качестве

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

локальных подсистем второго порядка выступают Нижнетагильская и Каменск-Уральская агломерации, а также развивающиеся индустриальные узлы Серовской группы поселений. Наличие столь сложной многоуровневой структуры расселения предопределяет и специфику диффузии технологических инноваций от главных ядер к их периферийным элементам.

Эти субъекты пространственной экономики представляют собой компактные скопления населенных пунктов, которые формируются вокруг крупных индустриальных центров [10; 17]. Выступая в качестве самостоятельных экономических узлов на местном уровне, данные системы интегрированы в общую структуру развития макрорегионов, так как тесно связаны с центральной опорной агломерацией субъекта РФ. Именно на уровне таких соподчиненных локальных подсистем формируются эффекты агломерационной экономики: интенсивная маятниковая миграция, совместное использование транспортной инфраструктуры, кооперация производств и единые рынки труда.

Эффективное оперативное управление и координация столь сложных многоуровневых систем напрямую зависят от динамики и темпов внедрения современных информационных технологий. Процесс распространения технологических решений в пространстве (диффузия инноваций) в масштабах Российской Федерации имеет выраженную региональную специфику [7; 8]. Отмечаются высокие темпы автоматизации государственного сектора и внедрения платформенных решений на уровне центральных опорных мегаполисов. Согласно официальным данным Минцифры России, индекс цифровизации государственного управления и доля использования облачных платформ в ведомствах первого эшелона превышают 85%, что полностью соотносится с лидирующими мировыми показателями [23].

В рамках ежегодного расчета Индекса цифровизации городского хозяйства «IQ городов», проводимого Минстроем РФ, крупнейшие столичные центры демонстрируют устойчивую динамику, подтверждая завершение этапа базовой Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

автоматизации ключевых подсистем. На этом фоне фактическое продвижение инноваций в глубь регионов, от административных ядер к их пригородным поясам, имеет выраженную региональную специфику. Если средний балл «IQ городов» для мегаполисов-миллионников стабильно растет, то для муниципальных образований, формирующих их периферию, он демонстрирует отставание из-за системных ресурсных ограничений. Инновационные решения центральных ядер замедляют скорость диффузии при переходе на местный уровень из-за инфраструктурных дисбалансов, детально раскрываемых при сопоставлении конкретных макрорегиональных систем.

Для проверки теоретических положений о дисбалансах в диффузии инноваций проведем сопоставительный анализ ряда крупнейших полицентрических систем России. Данный выбор позволяет сравнить столичный регион первого эшелона расселения с ведущими индустриально-урбанизированными и научно-логистическими центрами Поволжья, Урала и Сибири. Сравнительные параметры их участия в макроэкономике страны и уровень развития цифровой инфраструктуры в разрезе соответствующих субъектов РФ представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Обеспеченность информационно-коммуникационной инфраструктурой и параметры экономического развития рассматриваемых регионов РФ в 2024–2025 гг.

Параметр сравнения	Московская агломерация (в границам Москвы и области)	Свердловская область	Нижегородская область	Новосибирская область
Численность населения города-ядра, млн чел.	13,1	1,5	1,2	1,6
Количество муниципальных образований в агломерации, ед.	52	14	8	12
Объем отгруженных товаров и услуг собственного производства ядра, трлн руб.	18,4	1,6	1,3	1,1
Инвестиции в основной капитал (по полному кругу организаций), млрд руб.	10 729	919	743	586

Доля домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, %	94,1	90,4	91,8	88,5
— включая доступ с мобильных устройств (мобильный ШПД), %	89,8	85,4	83,1	82,9
— включая доступ по проводным каналам (фиксированный ШПД), %	86,5	72,1	70,5	64,2

Источник: составлено на основе [23]

Анализ данных таблицы 1 демонстрирует умеренную пространственную поляризацию по общему охвату цифровой инфраструктурой, однако вскрывает качественные различия в механизмах технологической диффузии. Московский регион выступает абсолютным лидером в распределении инвестиционного капитала, аккумулируя почти четверть валового внутреннего продукта страны. Глубокая интеграция ядра и входящих в контур Московской агломерации пригородных городских округов подкрепляется высокой долей домохозяйств, имеющих доступ к сети Интернет (94,1%), причем в столице фиксируется максимальный уровень проникновения именно фиксированных высокоскоростных каналов связи (86,5%). Это формирует надежный базис для бесшовного развертывания сквозных цифровых платформ автоматизации на межмуниципальном уровне.

Принципиально иную структуру интеграции демонстрируют крупные региональные агломерации, формирующие индустриальный и научно-логистический каркас мезорегионов второго эшелона расселения [7]. Согласно исследованиям Института экономики города, Екатеринбургская, Нижегородская и Новосибирская агломерации концентрируют ключевую долю экономического потенциала своих субъектов, являясь опорными узлами несырьевого развития [3]. Валовые показатели интернетизации домохозяйств здесь также высоки и находятся в диапазоне 88,5–91,8%. Однако детальный структурный анализ выявляет скрытый качественный разрыв по отношению к столичному региону, который существенно обостряется при переходе от центральных ядер к их пригородным поясам и локальным подсистемам второго порядка. Высокий

общий охват цифровыми услугами на периферии рассматриваемых регионов обеспечивается преимущественно за счет мобильного ШПД (до 82,9–85,4%), в то время как доля домохозяйств с доступом по проводным каналам в Нижегородской и Свердловской областях падает до 70,5–72,1%, а в Новосибирской области составляет всего 64,2% [23].

Мобильного трафика вполне достаточно для потребительских нужд населения, но его пропускной способности и стабильности не хватает для интеграции ИТ-контуров пригородных администраций в сквозные платформенные ГИС-системы центрального ядра. В Сибирском макрорегионе ситуация дополнительно усугубляется значительной пространственной протяженностью территорий расселения. В условиях нарастающего инвестиционного дефицита и разбалансировки субнациональных финансов операторы связи концентрируют магистральные оптические сети и серверные мощности исключительно в административных центрах субъектов, что замедляет диффузию инноваций и консервирует технологическую изоляцию городов-спутников [5; 6]. На примере подобных полицентрических структур отчетливо проявляется качественный дисбаланс, позволяющий выявить три базисных барьера автоматизации управления.

Первым выступает институциональный барьер, обусловленный тем, что город-ядро и окружающие его малые города-спутники представляют собой самостоятельные субъекты управления с обособленными бюджетами. В рамках действующего законодательства практически отсутствуют правомочные механизмы совместного долгосрочного финансирования для создания единой межмуниципальной ИТ-платформы, из-за чего каждый муниципалитет вынужден развивать изолированные информационные контуры [12; 24].

Вторым является финансовый барьер, связанный с хроническим дефицитом местных бюджетов и существенным ростом стоимости лицензий на отечественное программное обеспечение на фоне форсированного импортозамещения. По данным рыночной аналитики, только за первый квартал Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

2026 года базовое ПО прибавило в стоимости 10–15%, а удорожание сложных инфраструктурных решений и систем информационной безопасности при ограниченной нишевой конкуренции достигло 25–30%. Ситуация усугубляется тем, что сопутствующий кратный рост цен на серверное оборудование (до 130% на отдельные компоненты в течение 2025 года) напрямую увеличивает издержки на развертывание традиционной локальной ИТ-инфраструктуры [18]. На фоне общей разбалансировки субнациональных финансовых систем это вынуждает администрации муниципальных образований секвестировать инвестиционные статьи расходов, откладывая цифровую модернизацию в пользу безусловного выполнения текущих социальных обязательств.

Третьим фактором становится кадровый барьер, выраженный в остром дефиците квалифицированных ИТ-специалистов в муниципальном секторе крупных региональных агломераций. По данным Минцифры России, общий дефицит кадров в отечественной ИТ-индустрии оценивается в 500–700 тысяч человек, при этом в органах местной власти и подведомственных учреждениях нехватка квалифицированного технического персонала достигает 40–50% от нормативной штатной потребности. В контексте развитого рынка удаленной занятости и платформенных моделей организации труда происходит скрытый отток локальных компетенций в столичные мегаполисы и крупные коммерческие структуры. Из-за нормативно-тарифных ограничений фонда оплаты труда [4] и низкого базового уровня заработной платы ИТ-персонала на местах администрации муниципальных образований оказываются неспособны конкурировать с частным бизнесом. Как следствие, возникает глубокая кадровая асимметрия, блокирующая развертывание сквозных горизонтальных систем управления на периферии крупных региональных агломераций.

Сопоставление исследуемых полицентрических систем позволило выявить структурный дисбаланс, определяющий научную новизну работы: если в Московском регионе, как показывают данные таблицы 1, диффузия инноваций технологически завершена и ограничивается лишь межведомственными

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

регламентами, то в крупных региональных агломерациях высокая экономическая отдача городов-спутников не подкрепляется адекватным качественным уровнем их цифровой интеграции. При этом универсального подхода к выводу локальных подсистем на качественно новый уровень управления в настоящее время не выработано.

Рассматриваемая проблема выходит далеко за рамки только технологических аспектов автоматизации. В силу действия классических центроостремительных механизмов пространственной поляризации [5; 6], даже при наличии современного оборудования и прямой государственной поддержки сильное ядро агломерации (будь то Москва, Екатеринбург или другой региональный центр) через механизмы маятниковой миграции неизбежно обеспечивает отток квалифицированного человеческого капитала в центр [3; 7].

Межтерриториальный разрыв невозможно ликвидировать исключительно за счет финансирования абстрактной пространственной структуры [5]. В этих условиях государственные программно-целевые документы, включая обновленную Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [20] и соответствующие национальные проекты, рискуют остаться сугубо декларативными механизмами. Без изменения базовых подходов смежные с ядрами территории продолжают качественное технологическое и социальное отставание, что в целом отражает объективный характер пространственной поляризации.

По мнению автора, преодоление подобных субнациональных дисбалансов достижимо не искусственным сдерживанием центроостремительных сил, а формированием качественной сервисной и цифровой среды в ближних пригородных поясах агломерационного ядра. Приоритетом здесь выступает повседневный комфорт граждан, обеспечиваемый опережающим развитием скоростных транспортных систем [3]. Сокращение транзитного времени до получасового интервала радикально трансформирует ментальное восприятие

пространства, нивелируя ощущение изоляции городов-спутников за счет их оперативного доступа к благам центра.

Безусловно, развитие транспортного каркаса несет в себе риски усиления эффекта «всасывания» (*straw effect*) квалифицированной рабочей силы ядром агломерации. Однако в условиях параллельного развития локальной цифровой и социальной инфраструктуры сокращение времени транзита, напротив, выступает мощным фактором деконцентрации населения. Обеспечение скоростной изохронной доступности трансформирует невозвратную миграцию в регулируемую маятниковую мобильность [3; 5]. Жители городов-спутников удерживаются от окончательного переезда в мегаполис, сохраняя демографический потенциал и налоговую базу пригородных муниципалитетов, но получая при этом оперативный доступ к высокодоходному рынку труда и культурным благам центрального ядра [7].

Данный подход требует институциональной свободы для сервисного бизнеса, образовательных платформ и маркетплейсов, закрепляющих на местах независимых локальных предпринимателей. Не нарушая управленческую вертикаль, необходимо развивать горизонтальные каналы межмуниципального сотрудничества. Информационная связность территорий маятниковой миграции должна базироваться на совместном проектировании сквозных цифровых сервисов для координации транспортных, земельных и инфраструктурных ресурсов крупных региональных агломераций.

В ситуации обособленности местных бюджетов горизонтальная сетевая модель взаимодействия необходима для юридического оформления соглашений и формирования совместных пулов финансирования, что полностью согласуется с нормативно-правовой базой координации пространственного развития и действующими Методическими рекомендациями Минэкономразвития России [15; 16]. В совокупности с точечными налоговыми стимулами для регионального IT-сектора это демонтирует административные барьеры, снизит транзакционные издержки малого и среднего бизнеса и превратит Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

автоматизацию в органический драйвер качественного роста пространственной экономики РФ [7; 8].

Обсуждение. В современной научной литературе проблемы пространственной интеграции и технологического переустройства городов рассматриваются в фокусе различных, порой диаметрально противоположных концепций. В работах В. И. Голованова и Н. Н. Троицкой цифровизация признается значимым сквозным вектором и доминирующим трендом развития укрупненных городских систем [1; 2]. Авторы делают обоснованный акцент на безальтернативности внедрения ИТ-платформ для координации межмуниципальных процессов. Схожие прагматические позиции занимают Т. В. Ускова [21; 22] и А. Н. Швецов [24; 25].

В то же время сильна альтернативная школа институционально-пространственного анализа. Так, Н. В. Зубаревич последовательно доказывает объективный и устойчивый характер пространственной поляризации в России, обусловленный фундаментальными социально-экономическими барьерами, которые невозможно нивелировать исключительно внедрением цифровых надстроек [5; 6]. Развивая этот скепсис, А. Н. Швецов прямо указывает на глубинное противоречие в действиях исполнительной власти: пытаюсь преодолеть экономическое неравенство территорий через макроструктурные Стратегии развития, Правительство одновременно внедряет директивные документы по управлению агломерациями [20; 25]. Подобное ведомственное регулирование и насаждение планов «сверху» усугубляет неопределенность организации публичной власти на субнациональном уровне. В свою очередь, по мнению исследователей Фонда «Институт экономики города», это приводит к усилению обособленности периферии и городов-спутников от ресурсных ядер, подкрепляемой жестким межбюджетным неравенством [3].

Синтез данных концептуальных подходов позволяет констатировать: монополизация ИТ-архитектуры государством ведет к замораживанию частной инициативы на субнациональном уровне. Наложение директивных цифровых Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ Эл № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

платформ на институционально дисбалансированную и дефицитную систему местного самоуправления блокирует развитие государственно-частного партнерства, лишая малый и средний бизнес экономической мотивации к модернизации пригородной инфраструктуры крупных региональных агломераций.

Проведенный анализ определяет противоречие между этатистским подходом и природой цифровой экономики, требующей гибкости, децентрализации и сетевой свободы. Попытка исполнительной власти централизовать ИТ-инфраструктуру несет в себе риски низкой операционной результативности, характерные для масштабных программно-целевых проектов. Следовательно, цифровая трансформация крупных агломерационных систем должна опираться не столько на административный диктат, сколько на органическое развитие рыночной среды, защиту частной инициативы и расширение предпринимательских свобод на периферии.

Заключение. Проведенное исследование доказывает, что преобладающий в научной литературе подход к оценке пространственного развития имеет существенные методологические ограничения. Большинство авторов связывают эволюцию агломерационных процессов исключительно с цифровизацией, а также делают избыточный упор на технологический фактор, ошибочно рассматривая автоматизацию как базис пространственных изменений. В действительности цифровые платформы выступают лишь прикладным инструментом, тогда как первичной является сама экономическая система. Прямое внедрение ИТ-инфраструктуры на фоне доминирования этатизма не способно автоматически преодолеть глубокие территориальные дисбалансы.

Для достижения реального агломерационного эффекта государственная политика должна быть переориентирована на первоочередное обеспечение повседневного комфорта граждан через опережающее развитие скоростных транспортных систем, сокращающих ментальную дистанцию между периферией и ядром, а также на формирование здоровой экономической среды, основанной

Вектор экономики | www.vectoreconomy.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-66790, ISSN 2500-3666

на принципах прозрачности бизнеса, защиты частной инициативы и свободной рыночной конкуренции. Создание благоприятного регуляторного, налогового и транспортно-инфраструктурного климата непосредственно в пригородных поясах крупных региональных агломераций обеспечит естественный приток инвестиционного капитала. Вслед за институциональными условиями на периферию самостоятельно подтянутся предприниматели и квалифицированные ИТ-специалисты, что превратит цифровую трансформацию из «навязываемой» обязанности в органический, эволюционный процесс качественного роста всей пространственной экономики Российской Федерации.

Библиографический список:

1. Голованов В. И. Основные направления современного развития умных городов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 14, № 3 (126). С. 103–114.
2. Голованов В. И., Троицкая Н. Н. Цифровизация городских агломераций – основной тренд их развития // Russian Journal of Management. 2025. Т. 13, № 12. С. 484–508.
3. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития / А. С. Пузанов, Р. А. Попов, Т. Д. Полиди, А. Я. Гершович. М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. 192 с.
4. Зотов В. Б. Информационные технологии в государственном и муниципальном управлении: сборник научных статей. М.: Изд-во ТРИАДА, 2021. 308 с.
5. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.
6. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и реальности // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 71–83.

7. Катонин С. А. Агломерации второго порядка как фактор пространственного развития региона // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2022. № 3. С. 143–151.

8. Катонин С. А. Оценка агломерационных эффектов при управлении урбанизированными территориями регионов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2023. № 2. С. 124–131.

9. Колоскова А. А. Проблемы и перспективы формирования агломераций на территории Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10-1. С. 34–40.

10. Лаппо Г. М. Городские агломерации СССР–России: особенности формирования и структуры // Региональные исследования. 2007. № 2. С. 3–11.

11. Мазница Е. М. Проблемы и тенденции инновационного развития экономики городских агломераций // Фундаментальные исследования. 2014. № 3. С. 154–155.

12. Маркварт Э., Швецов А. Н. Территориальная организация местного самоуправления и управление городскими агломерациями. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 304 с.

13. Модель управления агломерацией в субъектах Российской Федерации / О. В. Кониная, Н. К. Савельева, А. А. Созинова [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 5. С. 1341–1352.

14. Об основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 16 янв. 2017 г. № 134 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 4. Ст. 637.

15. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций: Приказ Минэкономразвития России от 26 сент. 2023 г. № 669 // Министерство экономического развития Российской Федерации (сайт). URL: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 13.06.2026).

16. Об утверждении Правил согласования, утверждения и мониторинга реализации долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций: Постановление Правительства РФ от 31 мая 2022 г. № 996 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 23. Ст. 3828.

17. Перцик Е. Н. Крупные городские агломерации: развитие, проблемы проектирования // Проблемы развития агломераций России. М.: КРАСАНД, 2009. С. 34–46.

18. Софт скачал обновление цен // ИД Коммерсантъ (сайт). 2026. 8 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8571343> (дата обращения: 13.06.2026).

19. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 7. Ст. 690.

20. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 28 дек. 2024 г. № 4146-р // Официальный интернет-портал правовой информации (сайт). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.06.2026).

21. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

22. Ускова Т. В. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территории. 2016. № 4 (84). С. 7–19.

23. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.06.2026).

24. Швецов А. Н. Управление городскими агломерациями: организационно-правовые варианты // Регион: экономика и социология. 2015. № 1. С. 248–268.

25. Швецов А. Н. Дискуссионные вопросы теории и политики развития агломераций в России // Федерализм. 2026. Т. 31, № 1. С. 130–148.